

ИВ. ДУИЧЕВ

ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ

Международное право Византийской империи представляет собой очень слабо изученную область. Причина этого кроется в том обстоятельстве, что мы располагаем отрывочными и скудными историческими источниками. Одним из наиболее важных источников в этом отношении могли бы быть тексты международных договоров, заключенных империей с различными как соседними, так и более отдаленными народами и племенами. К сожалению, от раннего периода существования Византийской империи сохранилось очень ограниченное количество данных, касающихся международных договоров. Сведения, которые мы находим в произведениях византийских хронистов и историков, в большинстве случаев совершенно неудовлетворительны. Обычно это простые упоминания о том или другом из международных договоров или же какие-нибудь краткие выдержки из них.

Все же сопоставления известных нам данных о некоторых международных договорах империи, несмотря на их отрывочность и неполноту, дают возможность сделать кое-какие наблюдения по одному важному вопросу, а именно о времени, на которое обычно заключались наиболее долгосрочные международные соглашения. Среди сравнительно большого разнообразия договоров, заключенных Византией, особенно в ранний период существования империи¹, очень часто повторяется тридцатилетний срок, как время действия договоров. Является ли повторение этого срока случайностью, или же это какая-то закономерность, точнее — проявление одной из условностей, которыми так богата историческая жизнь Византии? При скудных исторических сведениях, какими мы сейчас располагаем относительно содержания международных договоров Византии, было бы слишком смелым дать вполне определенный ответ на этот вопрос, но некоторые предположения высказать все же можно. При этом следует исходить из тех международных договоров Византийской империи, о которых до нас дошли более подробные сведения, и только после этого можно перейти к рассмотрению простых упоминаний о продолжительности других договоров.

Одним из важнейших событий в жизни Болгарского государства первой половины IX в. было заключение в конце 814 или в начале 815 г.² мир-

¹ Указания на международные договоры Византийской империи от периода до 1282 г. могут быть найдены у Ф. Дэльгера (F. Dölger, *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit, Reihe A, Abt. I, Teil I: 565 bis 1025; Teil II: 1025—1204; Teil III: 1204—1282.* München—Berlin, 1924, 1925, 1932).

² Необходимо принять датировку В. Н. Златарского (*История на България през средните векове, т. I, ч. 1.* София, 1918, стр. 299), так как датировка, предложенная недавно А. К. Бурмовым (*История на България, т. I.* София, 1954.

ного договора сроком на тридцать лет между Болгарией и Византией³. Говоря о политике Льва V, продолжатель Феофана упоминает тридцатилетний договор с болгарями (τὰς τριακοντούτας σπονδάς), подтвержденный клятвенно (ἐ·ω·λό·θη·ς) императором⁴. В другом месте⁵ тот же византийский источник сообщает, что хан Омуртаг (814—831) во время правления императора Михаила II (820—829), прилагал усилия, чтобы упрочить заключенный при Льве V тридцатилетний мир (τὰς... τριακοντούτας σπονδάς). Прямое указание на тридцатилетний срок этого мирного договора содержится также у византийского хрониста Генесия⁶. О договоре упоминает также и дьякон Игнатий в биографии патриарха Никифора⁷, не указывая однако времени действия договора.

Как на источник, относящийся к событиям, связанным с заключением договора, указывают также и на одно послание антиохийского патриарха Христофора (умер в 836 г.) к императору Феофилу (829—842)⁸. По словам автора послания, некий византийский монах по имени Савватий предсказал императору Льву V, что если он начнет гонение против икон, то будет управлять с сыном своим Константином целых 32 года, подчинит своей власти болгар и вонзит меч в сердце самой Болгарии⁹. Обрадованный этим, император Лев V, чтобы не упустить этот тридцатилетний срок (ἢ τῶν λ' χρόνων ὀρθοδοξία), «как вылетающую из рук птицу», начал гонение против иконопочитания¹⁰. Смысл контекста ни в коем случае не позволяет слова ἢ τῶν λ' χρόνων ὀρθοδοξία истолковывать в том смысле, что речь идет об «определении пограничной линии на тридцать лет» или о «заключении тридцатилетнего мирного договора» между Болгарией и Византией¹¹. По-видимому, это предсказание было сделано на второй год правления императора Льва V и поэтому он решил, что ему остается, согласно словам монаха Савватия, править еще тридцать лет. Следовательно, послание патриарха Христофора необходимо, конечно, рассматривать в связи с болгаро-византийскими отношениями во время правления императора Льва V, но без того, однако, чтобы в нем видеть какое-либо указание на заключение тридцатилетнего мирного договора между Болгарией и Византией¹².

Известная Сюлейманкёйская протоболгарская надпись также говорит о болгаро-византийском договоре от 814—815 г. К сожалению, эта

стр. 87, 88), — «от 819 до 820», — неубедительна. Правильно отнесено заключение мирного договора к 815 г. А. П. Кажданом (История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 70), ср. также мою заметку в «Известия на института за българска история», т. V, 1954, стр. 442.

³ Об этом мирном договоре см. указание у Златарского (ук. соч., стр. 299—304, 432—434) и у Дзёлгера (F. Dölger, Regesten, S. 48, № 393: «814 nach April, Anfang der Reg(ierung) Dmortags»). О языческих обрядах, которыми сопровождалось заключение этого мирного договора, см. у Ив. Дуйчева BS, XI, 1954, p. 14, n. 49).

⁴ Theophanes Continuatus (Bonnae), p. 31.10 sq.

⁵ Ibid., p. 65.7 sq.

⁶ Genesius (Bonnae), p. 41.

⁷ Ignatius, Vita Nicephori, in: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1880, p. 206.27—207.22.

⁸ Ср. К. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, München, 1897, S. 166, § 3; Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, Budapest, 1942, p. 116.

⁹ PC, t. 95, col. 369—372, §§ 19—20.

¹⁰ Ср. Theophanes Continuatus, p. 26. 9 sq.; p. 604. 18 sq.; p. 616. 1 sq.; p. 619.14—16.

¹¹ Ср. В. Н. Златарский, История на Българияката държава, т. I, стр. 433 сл.

¹² Толкование Златарского (ук. соч., стр. 300, прим. 1) неубедительно. Замечание в связи с текстом см. также у В. Бешевлиева (Първобългарски надписи. Увод, текст и коментар. «Годишник на Софийския университет, ист.-филол. факултет», т. XXXI, 1, 1934, стр. 122, 124).

надпись¹³ сильно повреждена в начале: там можно прочитать только отдельные буквы: *πρὸς... αὐτοὶ λ' ἐτῶν*, — которые нужно восполнить следующим образом¹⁴: *πρὸς ἰρίνῃ ἐπίσαντο λ' ἐτῶν*. Останавливаясь на вопросе о продолжительности договора, издатель надписи отмечает¹⁵: «Число 30 определенно выбрано не случайно. Может быть, оно взято как время действия договора, поскольку содержит 2 раза по 15 лет, т. е. два индиктионных цикла или время двух человеческих поколений». Сразу же, конечно, необходимо отметить, что тридцатилетний срок соответствовал — согласно общепринятому и еще в древности широко распространенному мнению¹⁶ — продолжительности не двух, а именно одного человеческого поколения. Но само предположение упомянутого ученого, что выбор тридцатилетнего срока нельзя рассматривать как случайность, несомненно заслуживает внимания. Несколько чрезвычайно интересных примеров из многовековой дипломатической истории Византии с очевидностью обнаруживают это.

Так, непосредственно после гибели императора Юлиана Отступника (361—363), в июне 363 г., война между Восточноримской империей и Персией была прекращена и был заключен тридцатилетний мир¹⁷. На тридцать же лет был заключен в 678 г. мирный договор между Византийской империей и Арабским халифатом¹⁸. Летописец Феофан называет этот мир «прочным»¹⁹. На этот же срок был подписан в 1036 г. мир между вдовой скончавшегося правителя Египта Амера и византийским правительством²⁰. В 1053 г. правительство императора Константина IX Мономаха (1042—1055), после того как посланные воевать против расположившихся в болгарских землях печенегов византийские войска потерпели тяжелое поражение, было вынуждено заключить с печенегами тридцатилетний мир. Занятые печенегами земли между Дунаем и Старой планиной были им предоставлены при обязательстве с их стороны не переходить своевольно проходы Старой планины и не проникать во фракийские владения Византийской империи²¹.

Как можно судить на основе различных указаний, византийцы, чья склонность к символам и иносказаниям хорошо известна, оказывали особое предпочтение числу 30. Среди очень многочисленных свидетельств²²

¹³ См. издание надписи у В. Бешевлиева (Първобългарски надписи, стр. 47, № 21; стр. 128): «Сключиха мир за 30 години» и В. Н. Златарского (ук. соч., стр. 299); ср. также В. Н. Златарски. Сюлейманкьойский надпис. ИАД, т. III, 1913, стр. 134 сл.

¹⁴ В. Бешевлиев. Ук. соч., стр. 121.

¹⁵ Там же, стр. 122.

¹⁶ Ср. указание Свиды: Suidas. Lexicon, IV, ed. A. Adler, p. 588, 29—30.

¹⁷ Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, I, p. 53.27—29. Ср. A. A. Vasiliiev. Histoire de l'Empire Byzantin, I. Paris, 1932, p. 96 («un mauvais traité»); J. Bidez. Julian der Abtrünnige. München, 1940, S. 349, 425, Anm. 37.

¹⁸ Nicephorus. Opuscula historica, p. 33.1 sq.

¹⁹ Theophanes. Chronographia, I, p. 355. 25 sq. = Anastasii Chronographia tripertita, II, ed. C. de Boor p. 224.23—25: his ex communi placito inter utramque partem firmatis et in triginta servandis annos mutuo repromissis, amplissima pax inter Romanos et Arabes est effecta. Ср. F. Dölger. Regesten, I, S. 28, № 239: «Die Araber verpflichten sich auf 30 Jahre zu einem Jahrestribut von 3000 Goldstücken, 50 Gefangenen und 50 edlen Pferden...».

²⁰ Zonaras. Epitomae historiarum libri XIII—XVIII. Bonnae, III, p. 590, 13—16; Cedrenus. (Bonnae), II, p. 515.9—13. Ср. F. Dölger. Regesten, II, S. 3, № 843.

²¹ Attalioetae Historia. Bonnae, p. 43. 11—20; Cedrenus, II, p. 608.6—12; Zonaras, III, p. 644.11—12; Ср. F. Dölger. Regesten, II, S. 10, № 909; В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, II. София, 1934, стр. 108.

²² Не приводя здесь многочисленные случаи употребления числа в качестве условного обозначения, укажем только соответствующие места из поздневизантийского автора:

следовало бы припомнить здесь одно признание²³, согласно которому «число 30 — наиболее естественное число», так же «как среди единиц тройка, так и среди десятков тридцать». Однако поиски символики в числах увели бы нас в очень далекую и неопределенную область²⁴. Ответ на вопрос о том, почему в Византии так часто встречался тридцатилетний период как время действия мирных договоров, надо искать в другом: по-видимому, здесь сказывалось известное влияние на нормы международных отношений империи некоторых установлений частного-правового характера, прочно державшихся в Византии.

В этой связи следует обратить особое внимание на одно сообщение Прокопия Кесарийского о соглашении, достигнутом к 409 г. императором Гонорием с вождем вандалов Годигисклом при расселении вандалов в Испании. «В это время Гонорий, — пишет Прокопий, — заключил с Годигисклом соглашение, согласно которому (вандалы) могут поселиться (в землях Испании), при условии, что это произойдет без нанесения какого-либо ущерба стране. У римлян еще существовал закон, по которому лица, не владевшие непосредственно своим имуществом в течение тридцати лет, лишались права преследовать тех, которые совершили насилие по отношению к ним, и за истечением срока давности им должно было быть отказано в защите суда. Поэтому [император Гонорий] издал закон, согласно которому сколько бы времени ни провели вандалы во владениях римлян, на них ни в малейшей степени не должен распространяться упомянутый закон о тридцатилетней давности»²⁵. Это сообщение византий-

I. Canabutzae magistri Ad principem Aeni et Samothraces in Dionysium Halicarnasensem Commentarius. Ed. M. Lehrerd. Lipsiae, 1890, p. 59.26; p. 60.23; p. 72.4 etc.

²³ Ср. J. A. Sramer. *Anecdota graeca e codd. manuscriptis Bibliothecae Regiae Parisiensis, I Ochoii, 1839, p. 324.22—23.* «ὅτι ὁ λ' ἀριθμὸς φυσικωτάτος ἐστὶ· ὁ γὰρ ἐν μόνῳ τρία, τούτο ἐν δέκασι τριακοντάς.

²⁴ Можем привести в качестве параллели современные мирные договоры, в которых выполнение некоторых условий должно произойти, например, «в 90 дней после заключения договора» или после его ратификации. Известно также, что некоторые договоры и соглашения заключаются на очень продолжительный и поэтому неопределенный срок — «99 лет». В византийской же практике, по-видимому, наиболее излюбленными числами были 3 и 30. Эти два числа содержатся в некоторых ранневизантийских договорах. Например, в договорах от 574 г., 577 г., 650 г., от июля 685 г. и от 907 г. (подробности см. F. Dölger. *Regesten, I, S. 5, № 36; S. 5—6, № 37; S. 6—7, № 43; S. 26—27, № 226; S. 31, № 253; S. 65, № 550*), продолжительность мирных договоров определяется 3 годами. Очевидно, все эти мирные договоры считались кратковременными. В одном документе определен срок в 30 дней (см. F. Dölger. *Op. cit., I, S. 71—72, № 595*). В болгаро-византийском договоре от 716 г. византийцы обязуются давать Болгарскому государству одежды и дорогие кожи на сумму до 30 литров золотом (см. подробности Theophanes, I, p. 497.21—22. Ср. F. Dölger. *Op. cit., S. 33, № 276; В. Н. Златарски. История... т. I, ч. 1, стр. 178, 181*). Если необходимо привести параллели и из более отдаленного времени, припомним хорошо известный тридцатилетний мир между Афинами и Спартой, заключенный в 446/5 г. до н. э. Об этом мире упоминает между прочим и Свида (*Suidas. Lexicon, IV, p. 586.13—14*). Напомним также, что некоторые византийские писатели сообщают сведения о конфликте между императором Феодосием I и миланским архиепископом Амвросием, после того как император во время народных волнений в 393 г. приказал предательски перебить около 15 тысяч человек из населения Фессалоники: архиепископ допустил императора в церковь только после того, как был издан закон, по которому смертные приговоры и конфискация имущества должны были приводиться в исполнение только по истечению тридцатидневного срока с момента принятия решения (см. например Theophanes, p. 72.19—73.6; Zonaras, III, p. 85.13—87.2 и др. Ср. A. Gasquet. *De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance. Paris, 1879, p. 54 sq.*)

²⁵ Procopius. *De bello Vandalico, I, 3: Opera, I, ed. J. Haury, I, p. 317. 20—318.5; ср. Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве. ВВ, XI, 1956, стр. 6.* В указании Прокопия имеется небольшая неточность. Упомянутый срок давности был определен Константином Великим как 40 лет, а Феодосий II свел его к 30 годам. См. указание в Dagemberg-Saglio. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. V, p. 607 sq.*

ского писателя свидетельствует, что римские законы, относящиеся к частно-правовым отношениям, применялись иногда и к отношениям между империей и чуждой народностью, иначе бы не потребовалось издания специального распоряжения императора о том, чтобы вандалы не могли воспользоваться тридцатилетним сроком давности при владении землей в Испании. А ведь известно, что срок тридцатилетней давности играл важную роль как в римском, так и в византийском законодательстве. Это было так называемое *praescriptio longi temporis* или *praescriptio longissimi temporis*, установленное в 424 г. императором Феодосием II, в качестве срока, по истечении которого погашались иски²⁶.

Заслуживает внимания дальнейшая судьба этих законодательных распоряжений, которая убеждает, что действительно они не были забыты и позднее, даже в поздневизантийскую эпоху. Так, согласно законодательству императора Юстиниана (527—565), этот срок погашения исков становился источником приобретения имущества: по истечении тридцатилетнего срока владелец, который непрерывно владел в течение этого периода данной вещью, приобретал право собственности на нее²⁷. Только в некоторых случаях, например, когда дело касалось владений церкви или императорского дома, этот срок мог быть увеличен до 40 лет. Тот же тридцатилетний срок был определен и для арендных отношений. Так, согласно одному закону императора Афанасия I (491—518), аренда, которая продолжалась свыше 30 лет, становилась обязательной для двух сторон: колон не мог оставить обрабатываемый им земельный участок, а землевладелец не имел права отказать ему в предоставлении этой земли в аренду²⁸. Тридцатилетний срок находил применение в различных правовых документах византийской эпохи. Так, например, в новелле Романа Лакапина

²⁶ Cod. Just. VII, 39.3: Sicut in rem speciales, ita de universitate ac personales actiones ultra triginta annorum spatium minime protendantur. Sed si qua res vel aliquid postuletur, vel persona qualicumque actione vel persecutione pulsetur, nihilominus erit agenti *triginta* annorum praescriptio metuenda; eodem etiam in eius valente persona, qui pignus vel hypothecam non a suo debitore, sed ab alio per longum tempus possidente nititur vindicare. . . Hae autem actiones annis triginta constitutis extinguantur, quae perpetuae videbantur, non illae, quae antiquis temporibus limitantur. . .

²⁷ Cod. Just., VII, 39.8—9 (a. 528); VII, 31 (a. 531). Ср. P. F. Girard. Manuel élémentaire de droit romain. Paris, 1906, p. 131, 297 sq., 301 sq., 875 и др.

²⁸ Cod. Just., XI, 47 (48), 23 § 1: Quum autem Anastasiana lex homines, qui per *triginta* annos colonaria detenti sunt conditione, voluit liberos quidem permanere, non autem habere facultatem terra derelicta in alia loca migrare, et ex hoc quaerebatur, si etiam liberi eorum cuiuscunque sexus, licet non triginta annos fecerint in fundis vel vicis, deberent colonariae esse conditionis, aut tantummodo genitor eorum, qui per *triginta* annos huiusmodi conditioni illigatus esset; sancimus, liberos colonorum esse quidem in perpetuum secundum praefatam legem liberos, et nulla deteriore conditione praegravari, non autem habere licentiam relicto suo rure aliquid migrari, sed semper terrae intraeant, quam semel colendam patres eorum susceperunt. Caveant autem possessionum domini. . . aliquam innovationem vel violentiam eis inferre. Еще некоторые замечания по поводу этого распоряжения см. у М. Сюзюмова (Проблемы иконоборчества в Византии. «Ученые записки Свердловского Гос. пед. института», IV, 1948, стр. 56, 62, 78 прим. 52 и др.). Ср. также замечания М. В. Левченко (Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. ВС, стр. 23): «По закону Анастасия, если он (колон) в течение 30 лет являлся держателем какого-либо земельного участка, то по прошествии 30 лет терял право его покинуть и навсегда со своим потомством прикреплялся к данному участку, хотя и оставался свободным. Свобода эта, однако, становилась фиктивной, и свободный колон превращался в зависимого колона. . .»; ср. на стр. 24 о действии этого срока в VI в. согласно законодательству Юстиниана: «Колон являлся частью земельного имущества владельца. Такая собственность, как и всякая другая, терялась в силу давности в случае бегства колона, и если собственник в течение 30 лет не мог его отыскать». Ср. также А. Р. Корсунский й. О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв. ВВ, IX, 1956, стр. 54, 70, со ссыл-

(920—944) и Константина Багрянородного (913—959) от апреля 922 г. о праве предпочтения (*πρῶτησις*) при продаже сельского имущества постановлялось, что все земельные участки стратиотов (*τὰ στρατιωτικὰ κτήματα*), которые каким-либо способом были отчуждены в течение последних тридцати лет (*ἐντὸς τριακονταετίας*) или же будут отчуждаться впредь, должны быть возвращены без всякого вознаграждения их прежним собственникам — стратиотам²⁹. В одной новелле императора Никифора II Фоки (963—969), касающейся этих же вопросов, наследникам воинов дается право в продолжение 30 лет предъявить требование о возвращении земельных участков, которые были у них отняты³⁰.

Интересна, опять же в связи с этим 30-летним сроком, одна простагма императора Иоанна VIII Палеолога (1425—1448) от декабря 1431 г. или 1446 г., данная святогорскому монастырю Кутлумуш³¹. Согласно тексту простагмы монахи упомянутого монастыря отправили императору просьбу предоставить им в полновластное владение находящиеся в Лонгосе на Хиландарском полуострове (*εἰς τὸν Λόγγον*) три земельных владения, а именно Тристири (*Τριστίριν*), Торони (*Τορώνην*)³², Герани, а также и земельные владения Ерихия, Вир (*τὸ Βήρον*)³³ и Куфопетра, находящиеся в области Редина (*Ῥεντήναν*)³⁴, так как они уже более 30 лет ими владели. По мнению последнего издателя этого документа Ф. Дэльгера³⁵, монахи монастыря Кутлумуш предъявили требование на владение этими местами на основе установленного еще во время императора Юстиниана I права *praescriptio longi temporis*. То обстоятельство, что император согласился удовлетворить это требование кутлумушских монахов и выразил свое согласие, издав специальную простагму, ясно показывает, что постановление о тридцатилетней давности было в силе в Византийской империи вплоть до момента ее гибели. Необходимо отметить, что отражение этого постановления содержится и в законодательном сборнике Константина Арменулуа (ок. 1320—1383)³⁶. Вообще, вопрос о тридцатилетней давности в византийском законодательстве заслуживает специального изуче-

²⁹ Jus, III, p. 241; Ср. F. Dölger. Regesten, I, p. 71—72, № 595. Текст новеллы переиздан также П. Мутафчиевым (Византийски текстове. София, 1934, стр. 169.1—8). Позднее срок давности был продлен до 40 лет; ср. П. Мутафчиев. Войнишки земи и войнищи във Византия през XIII—XIV в. Списание на Българската академия на науките. XXVII, 1923, стр. 15 и прим. 2. Ср. еще F. Dölger. Op. cit., S. 100—101, № 783 и G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 220: «Bei den Stratiotengütern erstreckte sich die entschädigungslose Rückerstattungspflicht auch auf die in den letzten dreissig Jahren veräußerten Grundstücke, falls und soweit das Soldatengut infolge der erfolgten Veräußerungen unter den für die Ausrüstung des Solodaten notwendigen Stand gesunken war», ср. также стр. 230.

³⁰ См. указания у Дэльгера — F. Dölger. Regesten, I, S. 92—93, № 720: «Sogar bis zu 30 Jahren Eviktionsrecht haben». Ср. G. Ostrogorsky. Geschichte. . . S. 230 sq.

³¹ P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1945, p. 161—162, № 47; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 71—72, № 25; ср. *ibid.*, S. 147, № 54.9.

³² Ср. P. Lemerle. Actes de Kutlumus, p. 161; M. Фасмер (M. Vasmer. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941, S. 189) упоминает наряду с приведенными Лемерлем названиями мест также и другие: *Τερόννη* и *Τερόνη*, которые известны и по другим источникам, а также и название *Τερονίχη* (Trnik—«Dornort»), связывая его таким образом со славянским корнем «трень». Согласно мнению первого издателя, упомянутое место находится в юго-западной части полуострова Халкидики.

³³ Это название места несомненно славянского происхождения («вир» — омут).

³⁴ См. об этом: M. Vasmer. Op. cit., S. 96, 211.

³⁵ Ср. F. Dölger. Aus den Schatzkammern, S. 72: «Das Kloster beansprucht den angeführten Güter auf Grund der longi temporis praescriptio, für welche nach letzter justinianischer Bestimmung eine Frist von 30 Jahren gesetzlich geworden war».

³⁶ Χαρμενοπούλος. Πρόχειρον νόμων ἢ ἐξάβιβλος, ed. N. Charisiadu. Konstantinopolis, 1885, p. 197—198: lib. 11, 14—15; p. 169: lib. 1, 6, 5 sq.

ния, для чего необходимо собрать все наличные свидетельства, связанные с ее применением.

Но и теперь уже едва ли можно сомневаться в том, что тридцатилетний срок многих международных соглашений Византийской империи не является случайностью. Во всяком случае, по-видимому, именно он характерен для тех мирных договоров, которые устанавливали, по выражению византийских писателей, «глубокий [т. е. прочный] мир» на той или иной границе обширной империи.

На основе этого наблюдения можно, в частности, попытаться сделать некоторые выводы и о сроках тех мирных договоров, о которых нам известно только, что их следствием был «глубокий мир» Византии с той или иной страной или народом. В качестве примера можно привести дошедшее до нас упоминание о «глубоком мире», заключенном в 864 г. между болгарами и византийцами³⁷. Продолжительность этого мирного договора точно не определена в наших исторических источниках. Но в свете вышесказанного мы можем предположить, что он был подписан на тридцать лет. И интересно подчеркнуть, что первая болгаро-византийская война при царе Симеоне возникла именно в 894 г.³⁸, следовательно, точно по истечении тридцати лет с момента заключения договора.

³⁷ Подробности об этом см. у В. Н. Златарского (История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 20 сл.; ср. F. Dölger, Regesten, S. 56, № 461), который относит заключение мира к 863 г.

³⁸ О подробностях см.: В. Н. Златарски. Ук. соч., стр. 283 сл.

Перевод с болгарского К. В. Хвостовой.
